

Анна Орлова

ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА
НАУКА И ПРОКЛЯТИЯ
БРАК НА ВЫЖИВАНИЕ
ОВСЯНКА, МЭМ!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мисс Мэри Райт — энергичная старая дева тридцати семи лет.

Мисс Роуз Карпентер — юная племянница мисс Райт, медсестра, прибывшая в Дорсвуд ради ухода за леди Присциллой.

Леди Присцилла Поуп — старая ведьма (во всех смыслах), обладающая значительными собственными средствами, владелица коттеджа «Ивы».

Леди Хелен Хэлкетт-Хьюз — единственная дочь покойного барона Хэлкетта, которому некогда принадлежали окрестности Дорсвуда.

Полковник Бартоломью Хьюз — супруг леди Хэлкетт-Хьюз. Отставной военный, человек немислимых для смертного достоинств (по его собственному мнению) и напыщенный индюк (по мнению всех остальных).

Родерик Хьюз — сын и наследник четы Хьюз. Повеса, бездельник, любитель выпить и перекинуться в картишки.

Сибил Бредфорд — подруга леди Хэлкетт-Хьюз по пансиону. Трижды вдова.

Арнольд Фаулер — ученый-археолог с мировым именем, специалист по холмам фэйри.

Леона Фаулер — сестра Арнольда Фаулера, восходящая звезда кинематографа.

Чарльз Гилмор — владелец соседнего имения, одинокий чудак и любитель редкостей. Самый завидный холостяк в округе.

Джеймс Миллер — местный викарий, страстно увлеченный благотворительностью и садоводством.

Рут Миллер — сестра викария, весьма целеустремленная особа.

Доктор Брайан Пэйн — деятельный молодой врач, напрочь лишенный светского лоска.

Инспектор Этан Баррет — столичный полицейский, который волею судьбы гостил неподалеку.

Констебль Стивен Доггли — пес-оборотень, помощник инспектора Баррета.

Констебль Греггсон — местный полицейский, потрясенный свалившимся на него расследованием убийства.

Альфред Уильямс — идеальный дворецкий, служит в семье Хьюз почти пятнадцать лет.

Миссис Уайлд — экономка в семье Хьюз, принята на должность около полугода назад.

Джоунс, Гроувер — садовники.

Сисси — горничная леди Присциллы.

Миссис Шилдс — служащая почты.

Миссис Брэнт, мисс Смит — ее подруги, жительницы деревни.

Миссис Харрис — наемная работница.

Дорсвуд, милая деревушка в окрестностях Лозборо на юге Альбиона

ГЛАВА 1

Овсянку следовало бы поместить в справочник «Яды и декокты» где-то между мышьяком и белладонной. Смерть от нее, конечно, не так скоропостижна, зато очень, очень мучительна.

Подумать только, каждый день начинать со склизкой мерзости в желудке! Тут любой сведет счеты с жизнью, лишь бы не влачить дальше столь жалкое существование.

Я с отвращением подняла ложку, рассмотрела неаппетитную жижу с комками разбухшего изюма и опустила обратно в тарелку. Это было выше моих сил.

— Тут отличный повар, не правда ли, мисс Райт? — с набитым ртом поинтересовался полковник Биббингтон, мой сосед по столу, такой же скучный, как овсянка в его тарелке.

— О да!

Иронии он не заметил. Кивнул важно и принялся разглагольствовать о преимуществах альбионской кухни, о прелести альбионской погоды, о важнейших битвах альбионской истории...

Словом, Альбионом я была сыта по горло еще до того, как сошла с корабля на его унылую землю. Накрапывал дождь, из порта доносились запахи водорослей, мокрой кожи, нечистот и гнилой тरेбухи. Вокруг сновали моряки, носильщики и подозрительного вида дети.

Я поставила на палубу чемодан, в который легко уместились все мои скудные пожитки, и пониже надвинула шляпку, спасаясь от ветра и мороси.

Здравствуй, Альбион! Не думала, что снова тебя увижу...

Вежливый стюард помог мне сойти по трапу.

— Поймать вам такси, мэм?

Я покачала головой и легко солгала:

— Нет, благодарю. Меня встречают.

По правде сказать, денег оставалось совсем немного, а ведь нужно еще купить кое-какие мелочи. Теплую ночную сорочку, халат, шерстяные носки и прочее в таком роде. Совершенно отвыкла! В жарких странах не было нужды кутаться.

И расходы... Добираться придется на трамвае. Нужно еще подкрепиться — по-видимому, в одном из тех ужасных дешевых кафе, где чай похож на чуть подкрашенную воду, а ломтики тостов немногим толще бумаги и такие же безвкусные.

Стюард поджал губы, не дождавшись чаевых, затем улыбнулся следующей пассажирке с безвкусно огромными бриллиантами в ушах.

Что же, в нашем мире ты получаешь то, за что можешь заплатить.

Я отвернулась, крепко сжимая ручку потертого чемодана. Когда-то роскошный, из крокодиловой кожи, с обитыми медью уголками, теперь верный спутник моих путешествий поизносился и обтрепался. Впрочем, как и я.

От воспоминаний меня отвлек звонкий голос:

— Тетя Мэри!

— Роуз? — поразилась я, высмотрев в толпе белокурую девушку в маленькой старомодной шляпке.

Совсем как на фото, которое она выслала мне полгода назад.

Конечно, я отправляла телеграмму — нехорошо было бы нагрнуть без предупреждения. Но не думала, что племянница ради меня примчится из своей глуши.

Роуз привстала на цыпочки и неистово замахала руками, чуть не уронив сумочку.

— Тетя Мэри, я тут!

Я перехватила чемодан обеими руками, выставила перед собой и ввинтилась в толпу, действуя им на манер тарана и то и дело повторяя:

— Простите... Извините... Я такая неуклюжая...

Несколько минут спустя я наконец смогла обнять Роуз за хрупкие плечи.

— Как ты, дорогая?

Роуз часто моргала. Светлые, как у многих натуральных блондинок, ресницы слиплись от слез, но губы улыбались.

— Со мной все хорошо, тетя... Нет, правда, хорошо! Я так рада, что ты смогла приехать!

— А уж как я рада.

Я прижалась щекой к ее макушке и прикрыла глаза.

Оно того стоило. Стоило бесконечных дней болтанки в каюте, остатка моих сбережений и даже мерзкой овсянки.

Прежде всего мы отправились за покупками. С ними, впрочем, было покончено быстро — я привыкла довольствоваться малым и была не слишком придирчива. Зато Роуз с удовольствием поглазела на витрины и выбрала себе новую брошь: золотисто-оранжевый кленовый лист, который так подходил к ее коричневому пальто.

О чашке чаю в дешевой забегаловке Роуз даже слышать не захотела.

— Тетя, что за глупости? Тебе нужно нормально питаться. Ты ужасно похудела, и под глазами синяки.

— Любопытный способ сказать женщине, что она постарела, — усмехнулась я.

Роуз смутилась и притворно нахмурилась.

— Тетя, не переводи разговор. Ты истощена, я это говорю не как любящая племянница, а как медсестра!

Она была так очаровательна, что я со смехом сдалась.

— Хорошо-хорошо. Покоряюсь и внимаю. Что ты мне пропишешь? Бульон?

— Хорошую отбивную, рагу и крепкий сладкий чай. Счет оплачу я! И не спорь.

От любого другого слышать подобное было бы унижительно, но Роуз сделала это с таким тактом, что я лишь кивнула...

Вкусная еда и немного заботы совершили чудо. Я расслабилась, чего не позволяла себе уже долгие, долгие месяцы.

— Что ты собираешься делать теперь? — спросила Роуз, когда от плотного обеда остались лишь крошки.

— Понятия не имею, — пожала плечами я и сказала с наигранной бодростью: — Буду искать работу.

На какое место я могла претендовать? Для горничной я слишком стара. Секретарша? Продавщица в одном из модных универсальных магазинов? Помощница аптекаря? Везде нужны молодые, хорошо бы с образованием. В мои тридцать семь на новом месте устроиться тяжело.

Выкучусь. И не в таких переделках бывала.

Я ни словом не обмолвилась, насколько печальны мои дела. Но Роуз, при всей ее наивности, дурачкой не была. Она протянула руку и сжала мою ладонь. В огромных голубых глазах племянницы читалось сочувствие.

— Тетя Мэри, мы что-нибудь придумаем. Обязательно!

— Мы? — переспросила я, подняв брови. — Мне показалось или ты имела в виду не нас с тобой?

— Так и есть, — созналась она, покраснев. — Я имела в виду леди Присциллу Поуз, мою хозяйку, и... еще одного человека. Очень хорошего человека!

Мне стало смешно и чуточку грустно. У малышки Роуз появилась сердечная привязанность? Ничего удивительного, ей ведь уже девятнадцать, к тому же Роуз — настоящая красавица. Тоненькая, нежная, хрупкая, словно фарфоровая.

— Роуз, — сказала я мягко, — я очень ценю твою заботу. Но не стоит отягощать моими проблемами посторонних. Я справлюсь.

Она нахмурилась.

— Тетя, я ведь смогла выучиться и получить диплом медсестры только благодаря тебе. Я знаю, что папа с мамой не оставили мне ни пенни. Последние три года именно ты оплачивала мои счета и учебу, еще и присылала деньги на булавки. Теперь мой черед.

— Я делала это не ради...

— Тетя, перестань! — Обычно кроткая Роуз, кажется, начала сердиться всерьез. — Конечно, не ради этого. Я просто очень тебя люблю и... У меня больше никого нет. Побудь со мной хотя бы немного, прошу.

Я покачала головой.

— Боюсь, это невозможно. Тебе нужно возвращаться.

А у меня нет денег на пансион, даже если он найдется в той деревушке.

— А вот и нет! — Роуз, как маленькая, показала мне язык. Сущее дитя! — Леди Присцилла пригласила тебя на уик-энд. На Белтайн, если точнее. Сама пригласила, я об этом даже не заикнулась! Прощу тебя, поедем со мной.

Я посмотрела на желтые нарциссы в вазе. Вздохнула.

— Роуз, послушай...

Очень соблазнительно. Мне так нужна передышка. Но...

Роуз подалась вперед и умоляюще сложила руки.

— Леди Присцилла очень богата, ты нисколько ее не стеснишь. Тетя, прошу!

— Ну хорошо, — сдалась я, помолчав.

В конце концов, что значат эти три дня?

Выйти нам пришлось в Лозборо, поскольку в крохотном Дорсвуде поезд, конечно, не останавливался. Роуз настояла на

путешествии первым классом. «Я могу себе это позволить, тетя Мэри!» — гордо сообщила она. Так что в пути я прекрасно отдохнула и теперь с интересом разглядывала окрестности из окошка такси.

Это была деревушка на берегу живописного ручья, словно сошедшая с открытки. Кирпичные стены, побуревшие и выщербленные от времени, придавали домикам какое-то неизъяснимое очарование, а крыши из дранки делали их похожими на трухлявые грибы. Пожалуй, смотрелось бы мрачновато, если бы не буйство красок в палисадниках. Царственные розы, капризные клематисы, милые анютины глазки и веселый душистый горошек притягивали взгляд и смягчали суровый вид деревни.

— Красиво, правда? — с гордостью спросила Роуз, как будто сама вырастила все это разноцветье. — Эй, осторожнее!

Такси резко затормозило, едва не сбив с ног почтенную даму, укутанную в великое множество шалей и платков. На вид ей было за восемьдесят. Старушка пересекала дорогу с непринужденной уверенностью лайнера в океане.

Водитель посигналил и замахал руками, отгоняя старую даму, словно курицу. Лицо ее, похожее на печеное яблоко, гневно сморщилось, и старушка потрясла в нашу сторону кулаком. Затем она расправила на плечах три шали — пуховую, шелковую и кружевную — и поковыляла дальше.

Водитель вполголоса чертыхнулся и вновь тронулся с места, теперь куда осмотрительнее.

— Миссис Меллинг, — объяснила Роуз рассеянно. — Местная достопримечательность. Половина деревни — ее родня, так что у нас ее уважают.

«У нас», неужели?

Я приподняла бровь.

— Дорогая, надеюсь, ты не собираешься осесть в этом... миллом уголке?

Роуз залилась краской и вздернула подбородок.

— Почему бы и нет? Мне нравится Дорсвуд.

— Мне тоже, — созналась я, разглядывая чудесные маргаритки вдоль дороги. Похоже, когда-то неподалеку жили фэйри. Даже через сто с лишним лет с тех пор, как фэйри ушли, остатки силы еще питали эту землю. — Сам по себе Дорсвуд неплох. Но, дорогая, ты так молода! Стоит ли хоронить себя в такой глуши?

— Ты не права, тетя Мэри, — сморщила носик Роуз, нервно поправляя перчатки. — Дорсвуд чудесный! Здесь живут прекрасные люди и...

Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза.

«Прекрасные люди», ну конечно! Добросердечная Роуз всех судила по себе, не замечая в окружающих ни изъянов, ни пороков. Когда-то я тоже такой была, поэтому знала, что спорить бессмысленно. Во всяком случае, напрямую.

— Роуз, дорогая, — сказала я терпеливо, похлопав ее по руке, — разве хорошие люди живут только здесь?

Вопрос был с подвохом, и племянница не нашлась с ответом. Упрямо поджала губы и отвернулась, делая вид, будто заинтересовалась пейзажем.

— Взгляни! — Она указала на старинную церковь. — Разве она не прелестна? Говорят, ей семьсот лет.

Возможно, только годы не пошли церквушке на пользу. Стены поросли мхом и лишайниками, витражи кое-где раскрошились, а крыша выглядела так, будто вот-вот свалится на голову.

Я промолчала, лишь быстро взглянула на лучащееся счастьем лицо племянницы.

Влюблена. Влюблена отчаянно и безоглядно.

Коттедж «Ивы», как нетрудно догадаться, располагался на берегу пруда, поросшем старыми узловатыми ивами. По меркам Дорсвуда, дом был почти новым — век, не больше, что для этих мест сушая ерунда. Нарядные белые стены, красная черепичная крыша, а сад...

Мне вдруг захотелось выпрыгнуть из такси, снять туфли и побежать по газону босиком. Провести ладонью по нежным, словно нарисованным акварелью анютиным глазкам в кашпо и ящиках. Устроиться в шезлонге под пышной липой. Срезать букет пионов, только-только начавших распускаться на клумбе у входа. Нарвать базилика, мяты и розмарина, зеленеющих чуть поодаль. Посидеть с книжкой в беседке, что прячется в глубине сада, попить чаю на веранде.

Я вдохнула аромат душистого горошка, обвивающего кирпичную ограду, и прикрыла глаза. Пожалуй, кое в чем Роуз права. Дивное местечко. Почти как коттедж «Дрозды», в котором я родилась и выросла. Я не была там сколько?.. Почти двадцать лет. Но дом все еще мне снится.

— Тетя Мэри? — осторожно окликнула Роуз, тронув меня за плечо. — С тобой все в порядке?

— Разумеется! — Я заставила себя выдохнуть и отвести глаза. Успею еще налюбоваться.

Такси покатило по гравийной дорожке и остановилось у входа. Резные колонны напоминали ивы, в стороне умиротворяюще журчал фонтан.

Рядом с пышными кустами пионов возился садовник. Он перемешал палочкой какой-то бурый состав, накачал насос и принялся обрызгивать нежно-розовые бутоны. Пахло отвратительно.

Я остановилась как вкопанная и крикнула:

— Перестаньте! Что вы делаете? Да-да, я вам говорю.

Садовник посмотрел на меня исподлобья. Руки его прятались в широких садовых перчатках, а лицо скрывала низко надвинутая шляпа. На вид ему было лет пятьдесят.

— Отойдите, мэм! Не то может случиться несчастье. Это очень едкий состав.

Последнее он, кажется, сказал с гордостью.

— Еще какое несчастье, — кивнула я. — Вы сейчас уничтожите эти чудесные цветы.

Один роскошный куст уже был наполовину покрыт коричневой жижей. Ему же больно!

— Мэм, при всем уважении, — побагровел садовник, — я знаю, что делаю!

— Сомневаюсь, — отрезала я, отогнав желание отобрать насос и... обрызгать этой гадостью самого садовника. — Иначе не стали бы обрабатывать эти несчастные пионы табачным настоем с дегтем.

— Да что бы вы понимали! — разошелся садовник, взмахнув своим нехитрым инструментом. — Это же тля, видите? От нее нужно избавиться.

В доказательство он потряс еще не распустившимся бутонем, по которому деловито сновали муравьи. Прозрачный, липкий даже на вид налет подтверждал его правоту. Но неужели у хозяйки этого дома не хватит денег на нормальное зелье?

Я чуть повысила голос:

— Ваш состав уничтожит не только тлю, но и облюбленные ею бутоны!

Негромкие аплодисменты разорвали напряженную предгрозовую тишину.

— Bravo, милая, bravo! — Пожилая леди неторопливо спускалась по ступенькам, элегантно опираясь на трость. На голове у нее был тюрбан, мочки ушей украшали массивные серьги. — Джоунс, я же велела вам ничего не предпринимать, не спросив прежде разрешения. Мало вам несчастного клематиса, у которо-

го из-за неправильного полива едва не загнили корни? Или роз, слишком рано укрытых на зиму?

Лицо ее походило на вырезанную из коры маску. Потемневшую кожу покрывало бесчисленное множество морщин, узкий бесцветный рот напоминал трещину в стволе, а нос — самый обычный сучок. Зато глаза, яркие, зеленые и живые, сводили облик старой развалины на нет. А еще ощущалась рокочущая, тяжелая сила, способная пригибать деревья.

— Но это же просто гля, — пробурчал Джоунс, по-детски спрятав свой вредоносный состав за спину. — Еще мой дедушка...

— Во времена вашего дедушки, Джоунс, пионы в наши края даже не завезли, — погрозила ему узловатым пальцем старая леди. — Скройте с глаз моих. Иначе...

Дослушивать садовник не стал. Неловко поклонился и опрометью кинулся прочь.

Старая леди устремила на меня тяжелый взгляд.

— А вы, милая...

— Позвольте представить вам мою тетку, мисс Мэри Райт. — поспешно вмешалась доселе молчавшая Роуз. — Тетя, это леди Присцилла Поуп, хозяйка «Ив». Я ухаживаю за леди Присциллой уже третий месяц.

Старуха отчего-то хмыкнула и по-мужски протянула мне крепкую и узловатую, будто древесный корень, руку.

— Здравствуйте. — Она склонила голову к плечу, разглядывая меня, словно те несчастные пионы.

Какого цвета? Когда зацветут? Не обманул ли продавец с сортом? Нет ли каких болезней?

— Рада знакомству, леди Присцилла, — вежливо сказала я, пожимая твердую ладонь.

Странное чувство — будто зуд под кожей — заставило меня поморщиться. Все-таки чужую магию я воспринимаю с трудом.

Старая леди вновь хмыкнула и склонила голову к плечу.

— Расслабьтесь, я не причиню вам зла. Слово ведьмы.

Я выдохнула.

Не сказать, чтобы в Альбионе было так уж мало ведьм — с тех пор как их перестали преследовать, одаренных стало намного больше, — но встретить одну из них в таком глухом местечке было неожиданно. Это раньше ведьмы прятались в лесах и отдаленных деревушках, теперь скрываться нет нужды.

— Нам следует выпить чаю, — изрекла леди Присцилла, поудобнее перехватив трость.

И, не дожидаясь ответа, направилась к дому. Оставалось только подчиниться.

День был прекрасный, на редкость солнечный и теплый, так что мы устроились на веранде. Горничная накрыла на стол и бесшумно удалилась.

— Милая, — обратилась ко мне леди Присцилла, раскладывая по тарелкам пирожные, — вы ведь ищете работу?

Никаких светских разговоров о здоровье и погоде. Хотя ведьмы всегда были на редкость прямолинейны. Могли себе это позволить.

— Кхм, — кашлянула я. — Признаться... да.

— Не обижайтесь на старуху, — усмехнулась она. — Я слишком стара, чтобы тратить время на бессмысленную болтовню, поэтому спрашиваю прямо. Как вы смотрите на то, чтобы остаться в «Ивах»?

В мудрых зеленых глазах светились насмешка и понимание.

Роуз вскрикнула, глаза ее восторженно заблестели.

— В каком качестве? — поинтересовалась я, не торопясь радоваться.

— Видите ли, милая моя, — леди Присцилла принялась разливать чай, — мне уже не под силу присматривать за хозяйством. С домом я кое-как управляюсь, но сад в запустении.

Запустение — громко сказано, хотя старую леди можно понять. Нелегко смотреть, как дорогое тебе место ветшает и приходит в упадок. Поэтому я никогда не вернусь в «Дрозды».

— Горошек и сейчас выглядит прекрасно, — искренне похвалила я, за что удостоилась благосклонного кивка.

Старая леди тщательно размешивала ложечкой сахар.

— Раньше я сама много делала в саду. Кое-что пересаживала, обрезала розы и так далее. Хотя тяжелые работы, разумеется, выполнял садовник. Однако полгода назад Уитс ушел на покой, оставив меня в сложной ситуации.

— Неужели так сложно подыскать знающего садовника?

Она пожала плечами.

— Мало желающих ехать в такую глушь. Джоунс, мой нынешний садовник, раньше служил в нотариальной конторе, а садоводством увлекся на пенсии. Он не так плох, однако нуждается в присмотре. Думаю, вам это по плечу.

Я осторожно пригубила горячий чай. Он оказался выше всяких похвал, с тонким ароматом бергамота и вишневого листа.

— У меня нет образования и рекомендаций, — заметила я наконец.

— Мелочи, — отмахнулась она. — Мне не нужны чьи-то рекомендации, я больше доверяю собственным глазам. Вы ладите с растениями, ведь так?

Я молча наклонила голову.

Не только с растениями, хотя мне всегда нравилось с ними возиться.

У нас, потомков светлых фэйри, всегда есть что-то... эдакое. Исцеление, музыка, цветоводство, живопись — все то, что помогает создать в этом неуютном мире свой кусочек гармонии.

Звучит-то как: потомки! На деле кровь настолько разбавлена, что уже почти не в счет.

— Я положу вам хорошее жалованье, — продолжила леди Присцилла, отпивая чай. — Числиться вы будете... думаю, моей компаньонкой. Садовница — это слишком эпатажно для Дорсвуда. В доме будете проживать на том же положении, что и ваша племянница, столоваться со мной. Заодно составите мне компанию. Ну, что скажете?

Роуз затаила дыхание и умоляюще сложила руки.

В конце концов, почему нет? Все устроилось как нельзя лучше.

— Я согласна. Если только мне не будут подавать на завтрак овсянку.

От такой перспективы меня передернуло.

— Милая моя, — произнесла леди Присцилла снисходительно, — в моем доме не едят овсянку. Признаться, терпеть ее не могу. Надеюсь, против старой доброй ветчины, булочек и яичницы вы ничего не имеете?

Облегчение было столь велико, что я едва не воспарила над верандой, как семя одуванчика.

— Ровным счетом ничего, — заверила я серьезно.

Леди Присцилла хлопнула в ладоши.

— Превосходно! Тогда можете завтра же приступить.

Джоунс, конечно, в восторг не пришел, и его трудно было за это винить. Пока мы с Роуз после чая гуляли по саду, он все время что-то ворчал себе под нос, громко шаркал ногами и гремел тачкой.

От Роуз не ускользнуло его возмущение.

— Тетя Мэри, — тихонько сказала она мне, остановившись на берегу пруда, — не обижайся на мистера Джоунса. Он не злобный, просто...

— Просто не привык подчиняться какой-то приезжей фифе, — закончила я с улыбкой, видя ее неловкость. — Дорогая, не

тревожся. Поверь, крокодилы или, скажем, москиты куда неприятнее мистера Джоунса.

— Тетя! — возмутилась Роуз, но не выдержала и рассмеялась.

— Поверь своей старой тетушке. — Я похлопала ее по локтю. — Я вполне способна осадить Джоунса.

— Даже не сомневаюсь. — Племянница порывисто обняла меня и крепко прижалась к моей груди. — Мне так тебя не хватало, тетя! Я ужасно соскучилась. И совсем ты не старая.

— Ну-ну. — Я погладила ее по спине, обтянутой темно-синим строгим платьем. — Роуз, дорогая, ты преувеличиваешь. Как ты могла по мне скучать? В последний раз мы виделись на твоих крестинах, и ты вряд ли это помнишь.

Она помотала головой.

— Зато последние три года мы постоянно переписывались. Тетя Мэри, ты для меня ближе всех на свете!

— Даже ближе твоего молодого человека? — спросила я лукаво. — Ну-ну, не смущайся. Это ведь прекрасно.

— Да, но... — Роуз отстранилась и вытерла глаза.

— Что — но?

Ответить она не успела. Из дома выглянула горничная и позвала:

— Мисс Карпентер, мисс Райт! Обед через полчаса, мне велели напомнить.

— Спасибо, Сисси, — отозвалась Роуз смущенно. — Тетя, позже поговорим, хорошо?

Позже нам поговорить не удалось.

Вечером в Дорсвуде разыгралась гроза, а с нею — и ужасная мигрень у леди Присциллы. Роуз просидела у ее постели всю ночь, то давая микстуры, то протирая виски пациентки ароматной водой с уксусом. К утру она сама валилась с ног, и леди Присцилла, которой наконец стало лучше, отослала Роуз отдыхать.

Я позавтракала в одиночестве, а после вышла в мокрый после ночного дождя сад.

Дорожки блестели, словно покрытые лаком. С деревьев срывались холодные капли. Анютины глазки поникли, пришибленные ливнем, а пионы склонили бутоны до самой земли.

Садовник возился с молодыми бальзаминами, которые бурей повалило набок.

— Доброе утро, мистер Джоунс! — крикнула я.

Мокрый газон хлюпал под ногами. Следовало бы купить калоши, но кто знал, что они понадобятся?

— Мисс Райт! — Садовник поднял голову и просиял так, что я сразу заподозрила неладное. — Смотрите, какая напасть!

И сунул мне под нос лист хосты с десятком слизней.

— Что прикажете с этим делать? — Mister Джоунс преданно таращил глаза, но злорадные нотки в голосе его выдавали.

Должно быть, приличной леди от такой мерзости полагалось завизжать или повалиться в обморок. После чего, конечно, немедленно уехать.

— Mister Джоунс, это же...

— Вам плохо, мисс?

Не на ту попал.

— ...великолепно! — закончила я твердо. — Они очень полезны, вы знали? Конечно, если слизней становится слишком много, они могут нанести вред. Но тогда достаточно обработать сад специальным зельем, я знаю хорошее.

Он замотал головой.

— Зелый хозяйка не признает. Мешают, говорит. Да и вообще... У нас тут так не принято!

Я вздохнула про себя. Так было бы проще, но что поделать?

А с «вообще» тем более не поспоришь. В глубинке до сих пор к зельям относятся с большим предубеждением.

— Тогда можно рассыпать порошок корицы, истолченную яичную скорлупу и чуть-чуть медного купороса. Годится также уксус или соль, но их нужно применять с осторожностью. Если, конечно, вы не предпочитаете пивные ловушки.

— Пивные ловушки? — переспросил он тупо.

— Ну да. Следует закопать в саду банки, в которые налить немного пива. Слизни залезут туда, привлеченные запахом, и...

— И? — переспросил он заворуженно.

— Не смогут выбраться обратно! — закончила я с торжеством.

Садовник схватился за сердце.

— Доброе пиво? Слизням? Мисс, да как можно-то?!

— Ну-ну, Джоунс, не нужно так волноваться. — Я по-дружески похлопала его по руке. — Не думаю, что слизни так уж хорошо разбираются в пиве. Так что вы можете налить им какого-нибудь похуже.

— Н-н-нет уж, мисс, — мотнул головой Джоунс, все еще красный от негодования. — Это же надо придумать — пиво! Я лучше по старинке, горчицей обойдусь.

— Как угодно, — ответила я, пряча улыбку. — Если вам требуется лишь отпугнуть слизней, это и впрямь один из лучших

способов. А вот если вы хотите их поймать, то я советую все-таки пиво.

— Поймать? — не понял садовник. — Зачем, мисс?

— В Чайне, например, — сказала я наставительно, — их очень уважают. Правда, больше морские виды.

— Их что же, едят?! — позеленел бедный мистер Джоунс.

Как там в Писании? Кто роет другому яму, тот сам в нее попадет? Отец любил это повторять.

— Едят тоже, — согласилась я. — Не вижу принципиального отличия от улиток, которых так любят франки.

— Так то ж франки! Простите, мисс. Добрый альбионец такую гадость в рот не возьмет.

— Слизней очень ценят в медицине как укрепляющее и тонизирующее средство. — Я понизила голос и доверительно склонилась к садовнику. — Особенно джентльмены. Для настоек, мазей... по мужской части. Вы ведь понимаете?

Мистер Джоунс выпучил глаза, выдавил придушенно:

— Простите, мисс.

Бросил лист на землю и с наслаждением раздавил слизней сапогом.

Только три дня спустя Джоунс опомнился настолько, чтобы вновь попытаться выкурить меня из «Ив». В этот раз он не делал скидку на женскую чувствительность, а сразу зашел с козырей.

— Как чудесно у тебя пахнет! — заметила Роуз, заглянув в мою комнату по какой-то мелкой надобности.

— Еще бы, — хмыкнула я. — Мистер Джоунс расстарался. Взгляни-ка.

Я отдернула кружевную занавеску. На клумбе под окном бурно цвели и благоухали алиссум, резеда и маттиола. Последняя, правда, пахла только вечерами.

— Ой, — всполошилась Роуз. — Сколько пчел! Закрывай скорей.

Я захлопнула окно и сказала весело:

— Надо поблагодарить мистера Джоунса за дивный запах, как думаешь? И заодно намекнуть ему, что я не боюсь пчел. Они меня не кусают.

Чистая правда. Пчелы, комары и прочий гнус меня избегали. В тропиках это очень пригодилось.

Роуз широко распахнула глаза и прыснула.

— Тетя Мэри!

— Что, дорогая? — Я улыбнулась. — Интересно, что будет следующим?

Следующей была компостная куча в саду неподалеку от моей комнаты. С этим справилась кухарка, которая тотчас принялась респекать садовника за вонючую яму рядом с домом. Чего доброго, крысы заведутся!

— Мистер Джоунс, я вас не узнаю! — выговаривала она. — Вы как будто ума лишились. Чем вам, скажите пожалуйста, так досадила мисс Райт? Такая приятная леди!

Садовник угрюмо молчал, комкая в руках грубые рукавицы. Выглядел он каким-то скособоченным, морщился, словно от боли, и потирал поясницу.

Я постояла с минуту и тихонько прокралась в свою комнату. Вернулась как раз к окончанию воспитательной беседы.

— Возьмите, мистер Джоунс. — Я протянула ему пузырек. — Это настойка с перцем и чабрецом, натирайте больное место перед сном.

Я встретила взглядом с его мутными от боли глазами.

Ваш ход, мистер Джоунс. Примете руку дружбы?

— Спасибо, мисс Райт, — пробурчал он, пряча взгляд, и добавил с натугой: — Я... очень ценю, вот.

— Пожалуйста, — улыбнулась я, мысленно потирая руки.

Могу поспорить: готов!

И впрямь, вылечив с моей помощью свой прострел, мистер Джоунс стал кротким, как овечка. Разговаривал почтительно и бросался выполнять любой приказ.

Леди Присцилла посмеивалась.

— Не ведьма ли вы, моя милая?

— Разве что по характеру, — отвечала я, улыбаясь.

Вечерами мы с ней повадились играть в криббедж. Роуз к картам не прикасалась, так что тихая игра для двоих оказалась кстати.

Зато леди Присцилла оказалась азартна.

— Милая моя, — сказала она, когда мы впервые сели за игровой стол, — на что будем играть? Согласитесь, без ставок скучно.

— Боюсь, — я потеряла переносицу и отодвинула колоду, — мне не по средствам играть на деньги.

— Глупости! — отрезала леди Присцилла, принимаясь тасовать. Пальцы у нее оказались ловкие, хоть и узловатые. Карты в них так и мелькали. — Об этом не может быть и речи. Как вы смотрите на... шоколад?

Рот у меня наполнился слюной. Шоколад был из прошлых, хороших времен.

Леди Присцилла позвонила и велела горничной принести коробку из спальни. Конфеты оказались дорогими, из лучшей столичной кондитерской, в гладкой деревянной коробочке, перевязанной шелковой лентой.

— Обожаю сладости, — созналась старая леди, понизив голос. — Хотя доктор меня за них ругает.

Поэтому леди Присцилла лакомится шоколадом тайком? Ну и ну.

— Пренебрегаете советами врача? — хмыкнула я.

— В моем возрасте маленькие радости важнее. — Она подмигнула. — Между нами говоря, моя милая, я вполне здорова, не считая обычных для стариков недугов. Три месяца назад у меня было воспаление легких, но теперь я полностью оправилась. Я не стала возражать против медсестры лишь потому, что наша милая Роуз меня развлекает.

— Мне нечего поставить взамен.

— Тут вполне хватит на двоих. — И она недрогнувшей рукой разделила конфеты на две горки в разноцветных фантиках.

Грех было от такого отказываться!

Первую же партию я выиграла.

— Хм, — сказала леди Присцилла, пододвигая мне конфету. — Будем считать, новичкам везет.

Однако я выиграла и вторую. И третью.

Леди Присцилла прикусила губу и увеличила ставку.

— На кону три конфеты! — провозгласила она торжественно. — Надеюсь разом отыграться. Только не вздумайте поддаваться, моя милая.

— Что вы такое говорите, леди Присцилла, — пробормотала я, хотя как раз обдумывала, как бы половчее проиграть.

Не стоит лишать леди маленьких слабостей. Это может плохо кончиться!

Впрочем, поддаваться не пришлось. Леди Присцилла, уstraшенная перспективой столь крупного фиаско, играла с блеском. Поздним вечером мы разошлись, вполне довольные друг другом. А потом я ела в темноте шоколад и жмурилась от удовольствия...

Так и коротали мы вечера день за днем, целых две недели. Дни я проводила в саду, заглядывая в дом лишь на ленч. Подошло время высаживать рассаду из оранжереи, и мы с мистером Джоунсом трудились не покладая рук. Яркие георгины, проро-

ценные гладиолусы, нежные лобелии, задорные астры — все это богатство должно было занять место на клумбах. Кроме того, следовало подкормить отцветшие тюльпаны, нарциссы и примулы, подвязать к опорам лилии, соорудить шпалеры для душистого горошка... Всего и не перечесать!

В первый же день садовник чуть не довел меня до сердечного приступа.

— Мистер Джоунс, это что же — вредительство? — спросила я, застав его на месте преступления с ведром в руке.

От мутноватого раствора знакомо попахивало.

Скорее недомыслие, конечно. Как он только весь сад не загубил? Хотя леди Присцилла говорила, что Джоунс работает у нее только несколько месяцев.

Садовник заморгал.

— Не понимаю, мисс. Отличный навоз, я сам отбирал! К миссис Пейтсли, значит, ходил. У нее хорошие коровки, и удобрение дают преотличное.

— Мистер Джоунс! — вздохнула я. Боже, дай мне сил! — Прошу вас, никогда... Вы слышите меня? Никогда не подкармливайте луковичные свежим навозом!

— Но другим-то цветам ничего, нравится... Ладно-ладно, мисс. Я понял. Не надо так на меня смотреть!

И попятился, чуть не раздавив сапогом молоденькую розу.

Права была леди Присцилла. За ним нужен глаз да глаз!..

В последнюю пятницу мая леди Присцилла была в отличном настроении, нанося мне одно сокрушительное поражение за другим.

— Вы хорошо играете в бридж, моя милая? — заговорила она, любовно разглядывая свой выигрыш.

— Боюсь, нет.

— Жаль. — Старая леди нахмурилась и постучала пальцем по губам. — В субботу и воскресенье мы приглашены в гости к моей внучатой племяннице, большой любительнице бриджа. На праздник по случаю первого дня лета.

Я кивнула. В последнюю весеннюю ночь полагалось не спать до рассвета.

— Мы, леди Присцилла?

Она подняла брови.

— Разумеется! Вы ведь, как-никак, моя компаньонка. И нашей милой Роуз не помешает развеяться. Что думаете?

Роуз от восторга захлопала в ладоши. Тут же опомнилась и напустила на себя подобающий медсестре строгий вид. Какое же она еще, в сущности, дитя!

Внучатую племянницу леди Присциллы звали леди Хелен Хэлкетт-Хьюз. Это нелепое громоздкое имя она несла с гордостью. Впрочем, леди Хелен Хэлкетт-Хьюз (для краткости я решила называть ее леди ХХХ) была горда собой во всех отношениях. Своим древним и славным родом — ее отцу некогда принадлежали места окрест Дорсвуда. Своим домом — между нами говоря, аляповатой смесью барокко и готики. Своим садом, драгоценностями, мужем, сыном... Продолжать можно до бесконечности.

Леди ХХХ была твердо уверена, что она лучше всех. Разве что верноподданно уступала королеве.

Даже когда леди ХХХ хотела быть любезной, разговаривала она так, словно делала собеседнику величайшее одолжение.

— Дорогая тетя Присцилла! — Леди ХХХ цедила слова сквозь зубы, целуя родственницу в щеку. — Я так рада тебя видеть!

— Не сомневаюсь. — В глазах леди Присциллы светилась ирония. — Позволь представить тебе моих сопровождающих. Мисс Мэри Райт, моя компаньонка.

— Очень приятно, — кивнула я.

— Кхм. — Леди ХХХ вперила в меня взгляд. — Не из тех ли Райтов, которые проживали в коттедже... «Ласточки», кажется?

Зря, зря я сюда приехала!

Я постаралась взять себя в руки, даже улыбнулась.

— Увы, нет.

Роуз все испортила.

— «Дрозды», — подсказала она тихо и побледнела под уничтожительным взглядом леди ХХХ.

— В мое время девушки не позволяли себе первыми заговаривать со старшими.

— Дорогая, — леди Присцилла покачала головой, отчего крупные бриллианты в ее ушах заискрились, — это было так давно...

Намек на возраст заставил леди ХХХ побледнеть от злости. Она была по-прежнему привлекательна, пусть даже было ей ближе к пятидесяти. Вот только спесивое выражение лица и взгляд свысока ее не красили.

— В юности я бывала в гостях у барона Мэлоуэна, владельца тех мест, — сообщила она надменно. — Вы ведь старшая из девочек викария Райта, верно?

— Увы, нет, — повторила я. — Я — средняя сестра.

— И впрямь. — Леди ХХХ поджала губы, подкрашенные темно-вишневой помадой. — Теперь я припоминаю. Старшая, кажется, Маргарет. Средняя Мэри, а младшая Люси?

— Именно так, — подтвердила я сдержанно. — Моя племянница, мисс Роуз Карпентер, дочь Маргарет. Роуз медсестра, сейчас она ухаживает за леди Присциллой.

— Вам, мисс Райт, следует получше воспитывать вашу племянницу. Иначе она пойдет по стопам вашей младшей сестры!

Роуз напряглась и залилась краской. Я незаметно жала ее руку.

— Конечно, леди Хэлкетт-Хьюз.

Она надменно кивнула и отвернулась.

До чего неприятная особа!

Деваться было некуда. Положение служащей обязывало меня всюду сопровождать леди Присциллу, если на то будет ее желание. Приходилось терпеть и улыбаться. Зато я могла наблюдать и комментировать про себя.

Компания у леди ХХХ собралась удивительно разномастная, так что рассматривать гостей было интересно.

Полковник Бартоломью Хьюз, супруг достойной леди, оказался здоровяком с мясистым красным лицом и глазами навыкате.

— Парламенту следовало бы хорошенько припугнуть этих разошедшихся сипаев! — гремел он, потрясая кулаком. — Грязные, вонючие туземцы...

Гостям волей-неволей приходилось умолкать.

— Полковник Хьюз — политик? — шепотом спросила я у леди Присциллы, которая усадила меня рядом с собой.

Как сказала сама леди Присцилла: «Две старые девы всегда найдут, о чем посплетничать. Ведь так, моя милая?»

— О нет, — так же тихо отвечала она. — Просто Барт любит разглагольствовать о вещах, в которых ничего не понимает.

Я кивнула и перевела взгляд на молодого человека, не сводившего глаз с Роуз. Высокий статный шатен лет двадцати — двадцати двух оказался сыном и наследником четы Хьюз. На первый взгляд — мечта любой леди от семнадцати до тридцати. Но чуть заметные мешки под глазами, легкая краснота носа, ка-

призный изгиб губ и дрожание пальцев выдавали беспутный образ жизни.

Зато другой джентльмен, знакомством с которым леди Хэлкетт-Хьюз весьма гордилась, был полной его противоположностью. Каштановые кудри Родерика Хьюза — против коротко стриженных, прямых и светлых, как солома, волос Арнольда Фаулера. Голубые глаза навывкате — против неожиданно темно-зеленых, глубоко посаженных. Изнеженная капризная миловидность — против чеканных мужественных черт. К тому же никто не назвал бы профессора Фаулера бездельником. Это был знаменитый исследователь холмов фэйри, который прославился своей удачливостью. Мистер Фаулер хмурился, глядя в свой блокнот, и время от времени что-то туда записывал.

Рядом с Арнольдом Фаулером откровенно позевывала красавица-блондинка в алом, слишком открытом для такого общества платье. Леона Фаулер, восходящая кинозвезда, которая снялась в нашумевшем фильме «Любовь и фэйри». У нее были такие же зеленые, как у брата, глаза, безупречная персиковая кожа и манеры утомленной славой актрисы.

Недавно я видела мисс Фаулер в столичном универмаге, где она произвела фурор. Кажется, все продавцы сбежались, чтобы ее обслужить. За ней следовали горничная и водитель, доверху загруженные пакетами и свертками. Чего там только не было, от чулок до детских игрушек!

И снова, как на заказ, ее полный антипод. Сибил Бредфорд давно переступила сорокалетний рубеж, но это последнее, о чем бы вы подумали, глядя на нее. Треугольное кошачье лицо, иссиня-черные волосы, разноцветные глаза — один карий, другой голубой, порочный рот и текущие плавные жесты — все в ней приковывало взгляд. Жажда жизни и ее удовольствий была из Сибил Бредфорд ключом.

Леди Бредфорд явно положила глаз на Чарльза Гилмора, которому принадлежало большое поместье по соседству с Хьюзами. Пожалуй, мистер Гилмор был не менее экзотичен на свой лад. Черноглазый смуглый брюнет делал все, чтобы его считали оригиналом. Одет он был в расшитый золотом сюртук, а на голове носил тюрбан, сколотый булавкой с огромным рубином. Белые перчатки, трость с навершием в виде ворона и бриллиантовая серьга в ухе довершали образ.

— Самый завидный холостяк в округе, — громким шепотом известила леди Присцилла. — Хотя ему почти сорок.

Мистер Гилмор услышал. Резко обернулся и вперил в меня пронзительные черные глаза. Я бы покраснела, не разучись я краснеть еще двадцать лет назад. Вместо этого я перевела взгляд на его спутника, которого мистер Гилмор представил как инспектора Этана Баррета, своего друга и однокашника по университету.

— Как? — вскричала при знакомстве леди ХХХ. — Разве полицейские учатся в университетах?

— Случается, — отвечал ей инспектор Баррет, и глазом не моргнув.

На редкость флегматичный тип. И снова — контраст. Рядом с вызывающе ярким Гилмором его друг, инспектор Баррет, словно терялся. Сероглазый шатен, не слишком высокий, не слишком низкий, не худой, не полный, не развязный, не бука... И еще много всяких «не». Инспектор казался заурядным до полной потери индивидуальности. А потом вы натыкались на его насмешливый острый взгляд и кривоватую улыбку. Маску посредственности инспектор Баррет носил с блеском.

Зато следующие гости заурядными были, а не казались. Брат и сестра Миллер. Джеймс Миллер, викарий, на окружающих взирал кроткими голубыми глазами за стеклами очков, а его длинноватое, хотя и приятное лицо выражало бесконечную доброту. Викарию было лет пятьдесят, и он до сих пор не обзавелся женой. Хозяйство вела его незамужняя сестра, мисс Рут Миллер, которая была намного младше брата, лет тридцати пяти от силы. Очень худая, с непреклонно сжатыми губами, квадратным подбородком и размашистым шагом, она носила нелепую прилизанную прическу и старенькое вечернее платье, явно не раз перешитое и перекрашенное.

Последним, четырнадцатым, в нашей компании оказался рыжеволосый мужчина лет тридцати, веснушчатый и слегка нескладный. Доктор Пэйн, так его представила хозяйка. Доктору, кажется, общество не доставляло удовольствия, а вечерний костюм раздражал. Мистер Пэйн то и дело поправлял галстук и одергивал манжеты.

Пока я разглядывала гостей, обстановка накалилась.

На очередной пассаж полковника Хьюза: «Этих грязных дикарей давно следовало бы загнать в резервации!» — негромко ответил Чарльз Гилмор:

— Но ведь это их земля.

Низкий голос мистера Гилмора подействовал на полковника Хьюза, как апперкот. Он встрепенулся, выпучил глаза, нелепо дернул головой — и пророкотал:

— Слава альбионской короны!..

— Вряд ли короне принесет славу проигранная война, — заметил профессор Фаулер, отрываясь от своих записей.

— Проигранная?! — еще сильнее побагровел полковник Хьюз и загремел: — Славные альбионские воины сметут грязных дикарей за две недели! Это я вам говорю!

— Ну, если *вы* так говорите... — пробормотал мистер Гилмор с сарказмом.

— Вы ведь не бывали в Хиндустане, полковник Хьюз? — вновь вмешался профессор. — Могу вас заверить, тамошние жители обращаются с оружием, как настоящие дьяволы. Простите, леди.

Леди его простили.

Леона Фаулер прикрыла зевок рукой и отвернулась. Зато леди Бредфорд следила за разгорающейся перепалкой с видимым удовольствием. Как, кстати, и леди Присцилла. Леди ХХХ поджимала губы и гневно раздувала ноздри, хотя ее молчаливое неодобрение самым преступным образом игнорировали. Роуз переглядывалась с молодым Хьюзом. Сестра vicария разглядывала свой носовой платок с таким видом, будто на нем были вышиты библейские заповеди (а может, и были?).

Доктор Пэйн и инспектор Баррет в беседу не вмешивались. У доктора было такое лицо, словно у него мучительно болели зубы. Зато инспектор иронически улыбался, как будто этот спор его чем-то забавлял.

— Истинная вера! Отечество! — гремел полковник Хьюз.

— Вы что-то путаете, полковник, — тонко улыбнулся мистер Гилмор, блеснув рубином в тюрбане. — Наше отечество тут, в Альбионе. Какое отношение к нему имеет Хиндустан?

— Империя! — выкрикнул полковник Хьюз и ударил кулаком по подлокотнику.

— К слову, верования коренных народов Хиндустана весьма интересны. — Это вновь профессор. — Выдвигаются даже версии, что на самом деле фэйри не скрылись в своих холмах, откуда перешли в другой мир, а нашли прибежище в заморских землях. Стали, так сказать, их богами.

— Грязные, презренные божки!

— Джентльмены! прошу вас, успокойтесь, — пытался урезонить их кроткий vicарий, блестя стеклами очков.

— Джентльмены. — Ледяной голос хозяйки дома подействовал на спорщиков, как холодная вода на дерущихся кошек. — Полагаю, нам следует сменить тему.

Полковник Хьюз сглотнул, пробормотал:

— Да, дорогая.

И украдкой ослабил галстук.

Мистер Гилмор с улыбкой развел руками, а профессор Фаулер, что-то проворчав, вернулся к своим записям.

— Мистер Гилмор, — проворковала леди Бредфорд, прищурив разноцветные глаза. — А в ваших жилах, часом, не течет туземная кровь?

— Сибил! — прошипела леди ХХХ.

— Да, дорогая? — Голос Сибил Бредфорд был мягок, а лицо — безмятежно. — Это всего лишь любопытство.

— Вы правы, — ответил мистер Гилмор, иронически вздернув бровь. — Моя бабушка была хиндустанской принцессой.

— Принцессой! — повторил полковник Хьюз с отвращением.

— Мистер Гилмор, — вмешалась леди ХХХ, одним взглядом осадив мужа, — вы будете участвовать в конкурсе садоводов? Я слышала, ваш дворецкий вырастил дивные розы.

— О господи! — Леона Фаулер отвернулась и закатила глаза. — Какая скупа!

Леди ХХХ поджала губы и метнула в ее сторону гневный взгляд, который та проигнорировала.

— Что вы, леди Хэлкетт-Хьюз, — галантно ответствовал мистер Гилмор. — Как я могу с вами соперничать? Должен сказать, у вас восхитительный душистый горошек. Такие крупные соцветия, такие разнообразные оттенки. Просто водопад цветов.

Леди ХХХ даже немного порозовела, ненадолго сделавшись похожей на живого человека, а не на мраморную статую.

— Благодарю вас. Между нами говоря, из столицы мне прислали удивительные семена. Даже горошек тети Присциллы с моим не сравнится! Магическая обработка многое дает, сами понимаете...

— Это нечестно! — встрепенулся вдруг викарий. Под устремившимися на него взглядами он густо покраснел и пробормотал, запинаясь: — То есть я хочу сказать, это местный конкурс. Цветы выращены силами жителей Дорсвуда и...

— Вы не считаете меня жительницей Дорсвуда, викарий? — холодно поинтересовалась леди ХХХ.

— Что вы, — совсем смешался бедняга. — Но ведь не у всех есть возможность!..

Она рассмеялась неприятным злым смехом.

— Вы заделались социалистом, дорогой мой? Так или иначе, сажать любые сорта правилами не возбраняется.

— Но! — Викарий осекся, и сестра положила руку ему на плечо.

Сказала вполголоса:

— Джеймс, успокойся. Не стоит затевать спор.

— Конечно, Рут. — Он похлопал ее по ладони. — Извините, леди Хэлкетт-Хьюз.

Леди ХХХ надменно кивнула и отвернулась.

Деревенские жители в эту ночь жгли костры и плясали до рассвета. Но в доме леди Хэлкетт-Хьюз, разумеется, не было места таким плебейским развлечениям. Вечер начался с чинного обеда. За столом говорили исключительно о погоде, немного о театре и книгах. Впрочем, компания подобралась столь разномастная, что даже такие невинные темы вызвали живейшие споры.

— Детективы — ерунда! — горячился доктор Пэйн, экспрессивно размахивая вилкой. — Вот, например, в новой книге сэра Кристиана Агата жертву травят цианистым калием в конфетах. Но ведь глюкоза... а проще говоря, сладкое, нейтрализует действие цианида!

— Полностью? — так живо интересовался мистер Гилмор, словно как раз прикидывал, как бы половчее кого-нибудь отравить. — Я имею в виду, нейтрализуется полностью или частично?

— Какая разница? — Актриса даже позабыла о роли скужающей звезды. — Существует ведь художественное преувеличение. Главное, чтобы книга была увлекательной.

— А давайте спросим мнение специалиста? — предложил профессор, улыбаясь. — Инспектор Баррет, что вы думаете о детективах?

Леди ХХХ не дала инспектору и рта раскрыть.

— Не будем поднимать за столом столь неаппетитные темы!

Доктор густо покраснел, отчего его рыжая макушка словно вспыхнула огнем, а остальные гости послушно уткнулись взглядами в тарелки. Только викарий — храбрый мальчуган — кашлянул и завел речь о благотворительном концерте для сбора пожертвований на ремонт церковной крыши.

— Мы непременно будем, — заверила его леди Присцилла то ли из жалости, то ли в пику леди ХХХ, которая эту идею не поддерживала.

— Согласитесь, викарий, — снисходительно вещала леди ХХХ, — ваши подопечные из церковного хора поют просто

ужасно. А рояль! Он так фальшивит, что у меня начинают болеть зубы.

— Думаю, — насмешливый голос Чарльза Гилмора нарушил напряженную тишину, — я преподнесу новый рояль в дар приходу. Как вы на это смотрите, викарий?

— Благодарю вас! — Кажется, священник от избытка чувств даже прослезился. — Вы очень добры, мистер Гилмор.

Тот лишь усмехнулся, отмахиваясь от благодарностей.

— Не стоит. Принимать участие в церковных делах — это наш долг. Глядишь, и спишется пара-тройка грехов. Правда, викарий?

На щеках леди ХХХ вспыхнули алые пятна.

— А я считаю, — громко заявил полковник Хьюз, — что подачки только приучают низшие классы к праздности!

В семействе Хьюз дела с тактом обстояли не лучшим образом.

— Не путайте подачки с милосердием, дорогой мой полковник, — парировал мистер Гилмор, усмехнувшись.

Надеюсь, до конца вечера никто не подерется...

Положение спас профессор Фаулер, принявшись вспоминать о своих экспедициях. Все с облегчением ухватились за безопасную тему, тем более что рассказчиком профессор оказался превосходным. Так что дальше беседа потекла легко и спокойно, даже сестра профессора несколько оживилась. Оказывается, в отрочестве мисс Фаулер путешествовала с братом, так что смогла припомнить несколько забавных историй.

После обеда вся компания вышла в сад. В каменных чашах уже разожгли огонь, который предстояло поддерживать до рассвета. На деревьях развесили бумажные фонарики, на лужайке расставили легкие кресла, а поодаль расположили шатер с алкоголем и закусками. Гости немедленно разбились на группы, тут и там слышались оживленные разговоры и смех.

Леди Присцилла дремала под деревом, так что мы с Роуз были предоставлены самим себе. Поначалу Роуз намеревалась героически скучать рядом со своей старой теткой, но вскоре чинные прогулки по дорожкам молодежи наскучили, и Родерик Хьюз затеял танцы. Из дома был принесен патефон, и на лужайке закружились первые пары.

— Позвольте вас пригласить, мисс Карпентер, — чинно произнес младший Хьюз, слегка поклонившись и протягивая руку.

— О... — Роуз растерянно оглянулась на меня. — Но тетя Мэри...

Очевидно было, что ей смертельно хочется танцевать. И, увы, танцевать с этим молодым нахалом. Даже если я на всю ночь прикую Роуз к своей юбке, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Дорогая, я без тебя не пропаду, — заверила я, слегка подтолкнув ее в спину. — Повеселись хорошенько.

— Спасибо, тетя! — просияла Роуз и убежала.

Я проводила парочку хмурым взглядом. Не лучший выбор для Роуз, хотя вряд ли она меня послушает. И вдруг заметила Чарльза Гилмора, который направлялся ко мне с таким видом, будто вознамерился пригласить на танец. Только этого не хватало!

Ускользнула я легко. Несколько шагов в сторону, и я скрылась за палаткой с импровизированным буфетом.

И невольно подслушала разговор.

— Родерик глаз с нее не сводит, — жаловалась леди ХХХ. — Посмотри, как бесстыдно она к нему льнет.

— Ты сама виновата. — Этот воркующий голос нельзя было не узнать. — Зачем ты ее пригласила?

— Тетя Присцилла настояла! — прошипела леди ХХХ.

— Странно, не находишь? Ладно компаньонка, но медсестра... Дорогая, тебе не следовало идти на поводу у тети.

— Не могла же я усадить за стол тринадцать человек! Не говоря уж о том, что леди и джентльменов должно быть поровну.

— Хелен, дорогая, — мелодично рассмеялась леди Бредфорд. — Не думала, что ты придержишься этих нелепых устаревших правил.

— Сибил, дорогая, — в тон ей ответила леди ХХХ, — не всем ведь наплевать на правила, как тебе.

Леди Бредфорд промолчала.

Так-так. Кажется, тут кроется какая-то тайна. Хотя что мне до нее?

— Я постараюсь отвлечь эту мисс Карпентер, — пообещала леди Бредфорд наконец.

— А я тем временем поговорю с моим мальчиком, — решительно заключила леди ХХХ.

И они разошлись в разные стороны...

Мой наблюдательный пункт оказался выше всяких похвал. Именно сюда леди ХХХ притащила отпрыска для вразумления. Или он сам решил промочить пересохшее горло? Хотя вряд ли. Молодой Хьюз шел с таким видом, будто делал матери величайшее одолжение, а она ему мягко выговаривала:

— Скажи, дорогой мой, о чем ты думал, когда порекомендовал эту... эту особу тете Присцилле?

— Мама, ну перестань! — отвечал он утомленно. — Мисс Карпентер опытная и компетентная медсестра.

— Только-только окончившая курсы? — возразила она язвительно. — Я навела о ней справки. Медсестра она без году неделя, ее даже сестрой Карпентер никто не называет! Дорогой, перестань морочить мне голову. Ты пригласил ее сюда, чтобы удобнее было крутить романы?

— Мама, что за выражения!

— Просто признай это.

— Ну хорошо. Эта девушка в моем вкусе, и у нас роман. Довольна? И будь добра, не порти нам вечер!

Он вырвался и ушел, а леди ХХХ еще долго, хмурясь, смотрела ему вслед...

Я привыкла рано вставать, так что проснулась в половине десятого. А легла ведь на рассвете! Повертелась с боку на бок, но больше не задремала. Пришлось вставать.

Спать хотелось неимоверно. Я умылась холодной водой — не очень-то мне это помогло — и посмотрела в зеркало на свое помятое лицо. А ведь еще десять лет назад я могла не смыкать глаз ночь напролет и при этом чувствовать себя свеженькой как огурчик! Стареею...

Эта мысль моего настроения не улучшила, так что к завтраку («С десяти до двенадцати, мои дорогие!» — как вчера сообщила леди ХХХ) я спустилась безо всякого аппетита.

В столовой, к моей тайной досаде, обнаружили и другие ранние пташки.

— Доброе утро, леди... Хэлкетт-Хьюз.

Чуть не сболтнула «ХХХ». Это все недосып!

Манерно оттопырив мизинчик, она держала в руке крошечную чашку. Несмотря на ранний час, одета и причесана леди ХХХ была очень тщательно.

— Доброе, милочка, — кисло ответила она и отвернулась, возвращаясь к прерванной беседе с профессором Фаулером, на внешности которого бессонная ночь никак не сказалась.

— Доброе утро. — Профессор кивнул мне и принялся мягким баритоном рассказывать очередную байку.

Увы, я была не в том состоянии, чтобы оценить его тонкий юмор. Хотелось лечь и закрыть глаза. Быть может, кофе поправит дело?..

Опустошив вторую чашку, я проснулась достаточно, чтобы захотеть есть. К этому моменту профессор уже ушел, но народу

в столовой прибавилось. Подтянулись викарий Миллер с сестрой и, к моему удивлению, леди Сибил. Никогда бы не подумала, что она ранняя пташка!

Поздоровавшись со всеми, я подошла к буфету, уставленно-му блюдами под серебряными крышками. Гости должны были сами себя обслуживать.

Леди ХХХ как раз вознамерилась перейти от пищи умственной — то есть познавательного разговора с профессором — к пище телесной и щедрой рукой накладывала всем овсянку на воде. Кашу можно было сдобрить на свой вкус сливками, маслом, вареньем, медом или ягодами.

Я понялась, чтобы не попасть под раздачу, но карающая рука хозяйки дома меня настигла.

— Возьмите, милочка, — снизошла ко мне леди ХХХ, буквально впихивая мне тарелку.

— Спасибо, я лучше возьму яичницу с беконом.

Леди ХХХ отступать не привыкла.

— Ерунда! По утрам нет ничего лучше овсянки. Она зарядит вас бодростью на целый день.

По мне, так скорее агрессией. Спорить, впрочем, я не стала. Отошла в сторонку и спряталась за большой пальмой в кадке.

Леди ХХХ на этом не остановилась и одарила мерзкой кашей всех собравшихся. Повезло профессору, что успел сбежать!

Викарий с постным видом перекрестил тарелки и завел молитву. «Благослови, Господи, пищу сию...» И далее в этом роде. Все покорно внимали. Леди ХХХ и сестра викария прикрыли глаза и шевелили губами, беззвучно повторяя слова. Я отвернулась. Терпеть не могу показную набожность!

Даже приправленная молитвой, овсянка вкуснее не стала. Поковырявшись в ней для вида, я бродила по столовой с тарелкой в руке — как благоразумные леди весь вечер цедят единственный бокал шампанского.

На мое счастье, в комнату заглянул лакей.

— Простите, миледи, требуется ваше присутствие.

— Ну, что еще? — раздраженно спросила леди ХХХ и принужденно улыбнулась гостям. — Прошу прощения...

Она поставила свою тарелку на столик и вышла. Я же поймала за руку лакея и всучила ему свою овсянку, вполголоса потребовав:

— Унесите это!

— Да, мисс.